

Источник: Похоронные причеты в Перской волости Устюженского уезда Новгородской губернии / [сообщ. А. Малиновский] // Живая старина. – 1909. – Вып. 1. – С. 70-79.

Похоронные причеты в Перской волости Устюженского уезда Новгородской губернии

Устюженский уезд Новгородской губернии еще до совершенно недавнего времени представлял богатое поле для исследования нашей крестьянской жизни со всем ее старинным укладом и обиходом, так ярко сохранившимся во всей его величавой и порой жестокой чистоте. Этим уезд обязан своей отчужденности от промышленных центров и отсутствию удобных путей сообщения: ближайшая железнодорожная станция (да и то узкоколейной железной дороги) – город Боровичи – находится на расстоянии 180 верст от г. Устюжны, и только в недавнее время стали ходить пароходы от Рыбинска по Волге и Мологе сначала до Велья (57 верст от Устюжны), а теперь весной в полную воду и до самой Устюжны.

Раньше в этой местности заработков побочных не было и жили крестьянством. Особенное подспорье доставляла река Молога своими заливными лугами, дававшими богатый сенокос. Некоторые крестьяне, скопив немного деньжонок, занимались скупкой скота (телятничеством) и сухих белых грибов и оптовой перепродажей собранного. Нередко такая торговля велась успешно, и телятники делались довольно зажиточными мужиками – богатеями. К концу минувшего столетия наследники бывших помещиков успели настолько сильно разстроить свои дела, что стали очень охотно распродавать богатым крестьянам по частям свои обширные лесные участки.

Лесной промысел стал быстро переходить в руки крестьян и скоро сделался главным подспорьем в крестьянском обиходе. С развитием этого промысла начало быстро подниматься материальное благосостояние отдельных крестьян; завязались сношения с торговопромышленными фирмами, и крестьяне, до сих пор редко бывавшие в своем уездном городе, стали вдруг разъезжать по лесным рынкам чужих городов: Мологи, Рыбинска, Ярославля, Москвы и даже Петербурга. Понятно, что такие поездки не могли ни отразиться на крестьянском быту.

И вот зашатались старинные устои, и с поразительной быстротой начали проникать в деревню всякие новшества и вольности. Вместо ярких праздничных сарафанов, расшитых парчой, появились городские платья, взамен местных обычаев – городское обхождение; стали стыдиться своего языка и подражать в говоре «бывалым» мужикам и парням. Нахлынула «частушка» и быстро стала вытеснять старинную протяжную песню, а за ней мало-помалу, правда, довольно медленно начали проникать и городские фабричные и шарманочные песни. Все, пришедшее извне, окружалось заманчивым ореолом городской образованности, а свое «старинное» вдруг получило название – «темного и сераго» и стало быстро забываться к немалому огорчению пожилых мужиков и баб, нежелающих простить молодежи ее легкомыслия и преклонения пред новизной.

Из обрядов цельнее других сохранился, пожалуй, свадебный; как я думаю, в силу своего разнообразного драматического элемента и еще потому, что свадьбы всегда в этом краю справлялись лихо и шумно, а с проникшими новыми веяниями – страсть к разгулу и удалым пирушкам нисколько не уменьшилась.

Что же касается похоронных причетов, то их полную картину возстановить уже теперь невозможно; плакать голосом начинают стыдиться, а это верный залог тому, что очень скоро причитания над покойником совсем исчезнут из обихода. Правда, чувство горя и утраты и теперь еще у наших крестьянок часто прорывается наружу и по прежней традиции выливается в форму былых причетов, но это только чисто внешняя форма. Нынешний плач голосом почти всегда безсвязен и подчас в нем не только не уловить содержания, но даже и

не добраться до отдельных слов – одно только ритмическое завывание. А главное, утратился и самый интерес к причетам, как к виду поэтического творчества. Во всем приходе мне удалось найти только двух старушек-крестьянок, которые «знали голосом плакать». Одна из них, несмотря на свой преклонный возраст, обладает замечательной памятью на все, что касается местного крестьянского обихода: по ее выражению, знает сорок-сороков долгих песен.

Другая – женщина с несомненным поэтическим дарованием и богатою фантазией. Она слывет в приходе за лучшую плакальщицу («Уж больно голосом-то далось ей плакать горазно!»). Причеты, помещенные ниже, записаны с ее слов по одобрению «дошлых» стариков и старух прихода. Это – импровизация под влиянием заранее сложившихся форм и однородного по идее содержания, отлившегося когда-то в эти установленные стариной формы.

В причетах этих оплакивается горькое положение сироты, понесшей утрату; высказывается скорбь о своем и без того далеко неотрадном положении и часто, как-бы невольно, проскальзывают упреки родственникам и окружающим, но тотчас же упрекающая спохватывается и старается или смягчить своей упрек, укоряя себя в необдуманности, или же снова всю вину своих несчастий взваливает на свою горемычную судьбу и покорно примиряется с совершившимся, сознав всю свою беспомощность и безсилie.

Привожу причитание в церкви у гроба умершей крестовой сестры.

Сирота-крестьянка оплакивает умершую крестовую сестру, просит ее рассказать своей крестной матери, с которой она теперь встретится за гробом, про бедную сиротскую жизнь ее родной дочери; тоскует о том, что крестовенькую постигла внезапно страшная смерть так, что даже окружающие не успели позвать отца духовного, и ей пришлось помереть без покаяния; выражает свою благодарность племяннику умершей, который приехал по зову родных хоронить свою тетку.

– Пойду я, горька сирота,
Пойду ль я, горемышница,
К моей матушке – родной сестре.
«Ты позволь, моя милая сестра,
Вас спросить, моя голубушка!
Вы куда да сподобилися,
Приубравши в платье цветное?
Во которы дороги гости,
Ко которым ко сродникам?»
Уж я вижу, горька сирота,
Сподобилася мила сестра
Во остатний край-дороженьку
Ко своим да ко родимым,
На второй да суд на праведный.
– Да я спрошу, моя милая сестра,
Я спрошу, моя голубушка,
Как сойдешь ты, да посвидишься,
Со своим кормильцем – батюшкой,
Со родимой-то со матушкой,
Поприметь, моя мила сестра,
Поприметь, моя голубушка,
Ты свою, да крестну матушку.
Подойди к ним поблизехонько,
Поклонись им понизехонько,
Ниже шелковаго пояса
Ты до матушки сырой земли.

Разкажи да, сестра крестная,
Про житье да про сиротское,
Как мы жили, солнце красное,
Во житье да во сиротском,
Потерпели бедны-горькии
Всяких слов да понапрасных.
Износили злодей-горюшка
На своей да на белой груди.
Когда стоснется, згорюхнется,
Уж мы выйдем бедны-горькии,
Мы на матушку сыру-землю,
Мы на ихну гробову доску,
На размай тоски-кручинушки.
Мы ронили горючи слезы,
Мы до самой гробовой доски.
Мать сыра-земля не вынесет,
Бел-горючь камень не выскажет
Басен тайных, беспроносных.
Как придем да, бедны-горькии,
Со тобой да сестра крестная,
Мы во твой да благодатный дом.
Ты скидаешься, сбросаешься
Со словам-то ты со ласковым.
Ты поносишься, мила сестра,
Со яствам да со сахарным,
Со питьям-то ты со скусным.
Как расскажешь, солнце красное,
Восприемной кресной матушке,
А моей родимой матушке,
Уж как мы да горьки сироты,
Со тобой, моя мила сестра,
Как во лесу да были рощены,
Как во поле были брошены,
Как лесиночки подсохлыя,
Семяниночки невсхожия.
Как от камышка родилися,
От березы откатилися.
Как посмотрю я, горька сирота,
На тебя, моя мила сестра,
Я на твой-то благодатный дом,
Что стоит, моя мила сестра
В своем доме благодатнеем.
Ты стоишь да не попрержнему,
Что никто, моя мила сестра,
Что к тебе да не подступится.
Верно правда, солнце красное,
Прежни басни беспроносны:
«Нету сродников, приятелей
При твоей да гробовой доски».
Что не вьются, солнце красное,
Вкруг тебя, моя мила сестра,
При последнем свиданьицы,

При остатнием прощаньицы.
Я спрошу, моя мила сестра,
У тебя, моя голубушка,
Где встречала бела лебедя,
Ты свою да смёртку скорую?
Попросила-ли, мила сестра,
У своей да смёртки скороёй
Ты часка да поры-времечка
Позвестить да, солнце красное,
Ко себе отца духовнаго?
Аль не кинулись, не бросились
За отцом да за духовным
Твои сродники, приятели,
Не послушали, мила сестра,
Что твоих да слов печальных.
Подкосились скоры ноженьки
У тебя, моя мила сестра,
Тут душа с телом разсталася,
С вольным светом распрощалася.
Они тут да догадалися,
Они кинулись да бросились
На чужую дальню-сторону
За любимым племянником,
Тебе строить благодатный дом
Без дверей да без окошечек,
Без хрустальных стеколышек.

(Обращались к племяннику умершей):

– Ты послушай-ко, ясен сокол,
Что скажу я, горька сирота,
Поклонюсь я, горька сирота,
Я тебе да ниже пояса.
Те спасибо, солнце красное,
Не покинул горьку сироту,
Ты свою родиму тётушку.
Поспешил да поторопился
Со чужой да дальней стороны
Положить да в гробову доску,
Схоронить да во сыру землю.

Второй причет на смерть отца представляет часть картины старинного обряда – «плача над покойником» – начиная со времени получения известия о смерти и кончая приходом дочери в дом покойнаго и причитания над трупом.

Дочь сокрушается о своем горьком сиротстве, жалуется на постигшее ее несчастье и в то же время она заботится главным образом о том, чтобы собрать около покойнаго, по возможности, всех его детей и родственников и с их помощью почтеннее и лучше воздать последний долг усопшему. Она обращается к птицам с просьбою дать ей свои крылья, чтобы полететь известить о печальной утрате своих сестер и братьев и собрать их вместе на последнее прощание. Затем просит свою мать послать скорбное известие любимому старшему брату, живущему далеко в стольном городе и, узнав, что весть уже послана, благодарит за это свою мать. С нетерпением ожидает она приезда брата, но скоро

отчаивается и шлет ему укоры. Однако тут же спохватывается и укоряет себя в несправедливости обвинений, решает изойти в слезах и ими подать весть брату о случившемся несчастье. Горько становится ей при мысли, что сообщение о смерти отца не дойдет вовремя, и снова дочь начинает пенять на свою бедную участь, что из-за недостатка средств не может она сама послать ускоренные весточки. Но тут же опять спохватывается, видя в этом упрек родственникам, и спешит заявить о довольстве своею скромною долей. Затем примиряется она и с самой смертью отца, сознав неотвратимость судьбы.

Все это располагается в таком картинном порядке: узнав, конечно, заранее о смерти своего отца, дочь, жившая в разных деревнях с покойным, выходит за деревню в поле встречать печальное известие и обращается к сообщавшему его с такими словами:

– Я встречаю, горька сирота,
Я встречаю весть нерадошну,
Весть нерадошну, горемушную.
Как со этой с вести с горькоей
Подломилися скоры ноги,
Опустилися белы руки,
Помешалался ум со глупостью!

Затем вместе с печальной вестницей или вестником отправляются в деревню, где находится дом умершего родителя. Подойдя к дому, дочка останавливается и плачет на распеве:

– Подхожу я, горька сирота,
Я ко дому благодатному,
Ко кормильцу-то ко батюшку.
Перед ихней светлой-светлицей,
Перед ихней новой горницей,
Что не светит млад-ясен месяц,
Не обогрело солнцем красным,
Не встречает солнце красное,
Мой кормилец, сударь-батюшка,
Меня гостью невеселую,
Невеселую – печальную.

Подходит она к двери дома со словами:

– Растворяйся, дверь тесовая,
Идет гостя не веселая,
Не веселая, не радошна!
Я иду да с горючим слезам.

Войдя в дом, перекрестившись на иконы и отвесив поясной поклон, дочка обращается к своей матери:

– Ты позволъ-ко, солнце красное,
Богодана моя матушка.
Подойтить мне поблизехонько
К моему кормильцу-батюшку,
Поклониться понизехонько,
Мне спросить да солнце красное,
Мне спросить кормильца-батюшка,

Что куды, кормилец-батюшка,
Сподобившись, солнце красное,
Во которы дороги гости,
Ко которым ко сродникам,
Ко своим сердешным детушкам?
Верно мой кормилец-батюшко
Сподобился, солнце красное,
На второй да суд на праведный.

Обращаясь к родным, собравшимся около покойника:

– Прикажете-тко, родимы,
Поспустить свой жесен голос
Выше леса по поднебесью,
Чтобы слышен был жесен голос
Всем залетным, вольным мташечкам,
Громко-гласным соловеюшкам,
Вы слетитесь, мташки-мташечки,
Громко-гласны соловеюшки!
Уж вы дайте, мташки-мташечки,
И вы мне да, горькой сироте,
Мне на время легких крылышок,
Что со мелкими со перышкам,
На часы мне на утрешни,
На темну ночку осеннюю,
До зари дайте, до утренней,
До восхода солнца красного.
Полетаю, горька сирота,
Темну ноченьку осеннюю
До восхода солнца красного
Я по всем чертырем сторонам,
По сердешным деткам, милым,
По моим да по милым братьям.
Я скоплю сердешных детушек
На остатнее свиданьице,
На последнее разставаньице;
Посмотреть кормильца-батюшка,
Я какая бедна-глупая,
Я кака мало-разумная:
Тихии ветры не веяют,
Мелки мташечки не летают,
Мово голоса не слышают.

Снова обращаясь к матери:

– Мое красное ты солнышко,
Богодана моя матушка!
Ты послушай, солнце красное,
Я об чем тебе поклоняюсь:
Мы пойдём, мое красно солнце,

Найдем кучера-то верного
Мы до города до стольного
Послать весть да скоробытную,
Моему братцу родимому.

Мать отвечает, что известие о смерти отца послано старшему сыну во стольный город, и дочка благодарит мать:

– Те спасибо, солнце красное,
Богодана моя матушка!
Скоро ты побезпокоилась
Послать вестку невеселую.

Немного помолчав, дочь обращается ко всем присутствующим:

– Погляжу я, горька сирота,
На прихожан на хороших,
На его да детей крестных,
Не слышали-ли, родимьи,
Не стучит-ли мать сыра земля,
Не топчут-ли добры кони,
Не бренчит-ли золота узда,
Что не свиснут-ли извозчики,
Не спешат-ли, не торопятся
Что мои братья родимьи,
Что со красным-то солнышком,
Со моим да братцем милым,
Уж как мой да братец миленькой,
Он до всех до нас желененькой!
Как сойдет да братец миленькой
На машины скороходливы,
Как приедет братец миленькой
На последнее свиданьице.
Как попросит солнце красное,
Мой желанный братец миленькой,
У тебя, мое красно-солнце, [к матери]
Как душа с телом разсталася,
С вольным светом распрощалася?
Ты скажи, да не утаивай,
Нашему братцу родимому,
Моему-то красну солнышку!

После некоторого раздумья дочка опять начинает причитать:

– Мое красное ты солнышко,
Мой желанной братец миленькой,
Слова ласковы-обманчивы:
Никогда это не сбудется.
Во мне слышит ретиво сердце,
Из очей да слезы катятся,
Не приедет братец миленькой,
Бог судья тебе, красно-солнце,

Мой желанный братец миленькой!
Поотпало прочь желаньице
Что от нас, от сирот бедных;
Не спешишь ты, не торопишься
На последнее свиданьице.
Или ты да, братец миленькой,
Пожалел да злата-серебра,
Пожалел да золотой казны
Для пути, да для дороженьки?
Ох, кака я бедна-глупая,
Я умом-то неразумлива:
Припеняла солнцу красному,
Моему да братцу милому.
Надо мне да подуматься,
Что у мово братца милого
Есть сердешны свои детушки,
Есть семейство-то немалое –
– Надо много злата-серебра!
Надо мне, да горькой сироте.
Надо мне да горемышнице
Пропустить да горючи слезы.
Со моих да со горючих слез
Синее море пополнится,
Во реках воды прибавится.
Уж как станем солнце красное
По утру раным-ранехонько,
Мой желанный братец, миленькой,
Как пойдет да братец миленькой
Стоять службу во Господний храм,
Как во городе во стольном
Есте матушка-быстра река.
Во реке да воды прибыло.
Поглядит да братец миленькой
Он на матушку-быстру реку.
Посмутилась ключева вода,
Что во матушке-быстрой реке.
Поскипит да ретиво сердце,
Догаднется братец миленькой,
Что смутилась мать-быстра река
От сиротских от горючих слез.
Ох, как я бедна-глупая,
Ох, кака я неразумная!
Я неладно бедна сдумала
Во причетах-словах гладких.
Как бы я да бедна, горькая.
Я б сестра была богатая,
Я бы имела, горька сирота,
Злато, серебро несчетное,
Я б послала, горька сирота,
Всем бы вести скоробитныи,
И желанным братьям милыим,
И голубушке милой сестре.

Я сестра-то несчастливая,
Несчастлива-горемышная!
Уж как я, горюша-сирота,
У своих-то у родимых:
У кормильца-то у батюшка
Со родимой-то со матушкой
Во несчастный день порожена,
В горемышный час засеяна.
Мне не надо горькой сироте
Не пенять да, горемышнице,
На своих да на родимых.
Попеняю, горька сирота,
На свою я участь горькую:
Уж как я да, горька сирота,
Семяниночка невсхожая,
Во чистом поле брошена,
Во темном лесу рощена.
Что теперь у горькой сироты
Помешался ум со глупостью.
Уж я думаю, горюшица,
Что прочь все да отступилися
От меня, да отколилися.
Что живу я, горька сирота,
Я живу в людях крестьянских,
У мя нет сердешных детушек.
Я не знаю, горька сирота,
Кто при старости покормит-то,
Кто при смерти похоронит-то.

Быстро спохватывается и обращается снова к своим родным:

– Не вещуйте-тко, родимьи,
Что пеняла, горька сирота,
На всех сродников-приятелей,
Я живу, да горька сирота,
Ото всех живу довольная,
Я от вас, мои родимьи.
Надо знать, да горькой сироте,
Что с той пути-дороженьки
Нет ни выходцев, ни выездцев,
Нет не пеших, ни конных,
Ни письма нету, ни грамотки,
Ни словесна челобитьица!
Что не плавать камень по воде,
Как не ходят мертвы по земле!

Окончив свои причеты над трупом, дочь скромно отходит в сторону и, если среди присутствующих находится еще умеющая плакать голосом, то такая выходит и начинает соперничать в своем искусстве с только что исполнившею свой долг дочерью покойного. Теперь уже состязания такие, правда, очень редки, потому что мало искусниц плакать, и причеты обычно переходят в безсвязный плач, который и должен как-бы свидетельствовать

окружающим о горе и любви убивающейся над покойником женщины и о тяжести ея невозвратимой утраты.

В приведенных здесь похоронных причетах ослабленное цоканье местного говора сглажено, и удержаны только те особенности, которые не мешают ни ритму, ни благозвучию стиха, но в то же время характерны для данной местности.

О самом же говоре намерен поместить специальный очерк.

Сообщ. А. Малиновский.